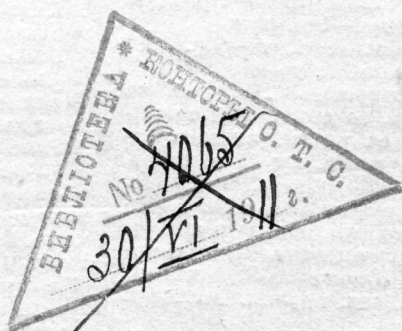

389.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

1911

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ №6

	стр.
1. ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ. (Продолженіе). Ив. Рукавишникова.	3
2. МОРЕ ВЪ ТУМАНЪ. Стихотвореніе. Павла Тулуба.	64
3. ИНГВА. Повѣсть. В. Сѣрошевскаго.	65
4. БУРЕЯ. Разсказъ. Н. Матвѣева.	85
5. ХИРУРГЪ. Разсказъ. Отто Рункъ. Переводъ съ нѣм. В. Величкиной.	107
6. ТУМАНЪ. Стихотвореніе. А. Ѳедорева.	119
7. ОДЕРЖИМЫЙ. Романъ Камила Лемонье. Авториз. перев. съ франц. С. А. Лопашева	122

Во избѣжаніе перерыва

въ высылкѣ журнала

контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, внесшихъ 4 р. 50 к. (за первое полугодіе), озаботиться своевременной уплатой слѣдующаго взноса.

—> ПРОСИМЪ ВЫСЛАТЬ АДРЕСЪ-БАНДЕРОЛЬ. <—

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Надеждинская, 33, кв. 5.

8. М. А. БАЛАКИРЕВЪ ВЪ ПРАГѢ. (Изъ его переписки). Г. Тимофеева.	147
9. ХМѢЛЬ. Стихотвореніе. Саши Чернаго.	186
10. ВЪ ЛУЗИТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ. (Замѣтки и наблюденія). Е. Адамова	187
11. НОВѢЙШЕЕ СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ. (Окончаніе) Ө. Капелюша.	218
12. ПОЭЗІЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА. В. Фриче.	230
13. У ЗАКАВКАЗСКИХЪ ДУХОБОРЦЕВЪ. В. Бончъ Бруевича.	237
14. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗІЯ О ЗЕМСКОМЪ ОБЛОЖЕНІИ. І. Дроздова.	265
15. БУДНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. И. Коновалова	275
16. И. А. КОНОВАЛОВЪ. Некрологъ. В. Л.-Р.	289
17. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Націонализмъ на всемъ готовомъ. І. Ларскаго	291
18. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. Внѣ жизни. Вл. Кранихфельда	306
19. ЗА РУБЕЖОМЪ. Австрійскіе выборы. К. Вейдемюллера.	318
20. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. Твори Т. Шевченка. Зъ малюнками.—А. Діесперовъ. Стихотворенія.—Д. Крачковскій. Разсказы.—Е. Миличъ. Легенды, сказанія и вымыслы.—Гр. А. Н. Толстой. „Двѣ жизни“. Романъ.—Веніаминъ Корчемный. Собраніе сочиненій. Т. II. „Казнь“ (очеркъ одной жизни).—М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе“. Т. I и II.—Елена Грекова. Разсказы.—Новый энциклопедическій словарь. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.—А. И. Платоновъ. Къ вопросу о предстоящей церковной реформѣ.—А. М. Бодянский. Духоборцы. Сборникъ разсказовъ, писемъ, документовъ и статей по религіознымъ вопросамъ.—В. И. Чарнолускій. Настольная книга по народному образованію. Т. IV.—О. Хауке. Русское землеустроительное законодательство.—І. М. Бикерманъ. Черта еврейской осѣдлости.—О. Семинъ. Великая годовщина.—Борисъ Веселовскій. Исторія земства. Т. III.—К. Валишевскій. Полное собраніе сочиненій. Т. II.—Ив. Блиновъ. Отношеніе сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ.—Историческая бібліотека „Сфинкса“. Т. I.—А. Богдановъ и И. Степановъ. Курсъ политической экономіи. Т. I.—А. Мессеръ. Введеніе въ теорію познанія.—А. Бинэ и Т. Симонъ. Развитіе интеллекта у дѣтей.—„Итоги науки въ теоріи и практикѣ“. Изд. т-ва „Міръ“.—А. Вагнеръ. Новый курсъ въ біологіи.—Новыя идеи въ физикѣ.—Максъ Планкъ. Теоретическая физика.—Къ южному полюсу.—Въ трущобахъ Манчжуріи и нашихъ восточныхъ окраинъ. Сборникъ.—Н. А. Римскій-Корсаковъ. Музыкальныя статьи и замѣтки	330
21. НОВЫЯ КНИГИ	358
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ	360

суетливые огни житейских событий—фальшивый украшение, кричащий дешёвым блеском, и Андрею стало ясно, что в этих событиях, которые составили его внешнюю жизнь, личная душа его жила и питалась именно этими огнями—искажёнными, блёдными, трусливыми отблесками в ней же пылавшего пламени, великого пламени любви к человеку, познания собственной мудрости ради“ и т. д. Такими водянистыми, не совсем грамотными и поэтому ничего не говорящими разсуждениями наводнена вся повесть Корчемного, причём с первой и до последней страницы повторяется все одна и та же мысль о непримиримости правды внутренней, личной, с правдою мира. Скука, томительная скука царить над вторым томом собрания сочинений Корчемного, и, если таким же настроением будут обвьяны готовящиеся к печати дальнейшие томы собрания, то писательская слава автора померкнет с такою же неожиданною стремительною, с какою она вдруг возсияла при помощи „Сфинкса“.

Вл. Кр.

М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе“. Т. I и II. К-во Современные проблемы. Москва. 1911. — „Прокрустово ложе“—история пролетария, стремящегося в ряды интеллигенции, трагическая судьба начинающего писателя из рабочих, всеми фибрами своего существа рвущагося к свету культуры. Тема собственно не новая. Она не раз уже разрабатывалась, напр., в новейшей западно-европейской литературе. При чтении книги г. Сивачева то и дело вспоминаются знакомые положения, всплывают знакомые образы. Какъ въ „Голодѣ“ Гамсуна, и здѣсь изображены физическія и душевныя муки начинающего писателя, поставленнаго въ самыя тяжёлыя условія жизни. Какъ въ „Дикой ордѣ“ Бласко Ибаньеса передъ нами человекъ, вышедшій изъ низинъ, порвавшій съ своей средой и тщетно пытающійся устроиться въ буржуазномъ мирѣ: и тамъ и здѣсь онъ встрѣчаетъ на своемъ скорбномъ пути маленькую героическую женщину, которая на мгновение скрашиваетъ его голгофу, но потомъ, надломленная нуждой и болѣзнью, умираетъ и оставляетъ его одного продолжать трудную борьбу за жизнь. Вспоминаются и другія аналогичныя произведенія (напр., „Крестьяне-студенты“ А. Гарборга). И несмотря на то, что основная тема г. Сивачева и даже отдѣльныя ея подробности уже стали достояніемъ литературы, книга его читается съ такимъ интересомъ, какъ будто никто раньше

объ этомъ не писалъ. Это впечатлѣніе новизны обусловлено тѣмъ, что книга г. Сивачева не романъ, а непосредственная живая жизнь. Это автобіографія, въ которой мало Dichtung и почти все, а можетъ быть, и все, подлинная Wahrheit. Въ этой книгѣ бьется и истекаетъ кровью живое человеческое сердце. Авторъ не позируетъ передъ читателемъ, не старается поддѣлать свою физиономію, не хочетъ казаться интереснѣе, чѣмъ онъ есть. Эта искренность, не щадящая ни себя ни другихъ, невольно подкупаетъ. А то, что онъ разсказываетъ, заставляетъ прислушиваться. Бывшій рабочій, не получившій образованія, почти ничего не читавшій, г. Сивачевъ чувствовалъ инстинктивную тягу вверхъ, въ миръ писателей, а миръ этотъ рисовался его наивному воображенію въ видѣ собранія боговъ и мудрецовъ, сѣтелей добра и счастья. Войти равноправнымъ членомъ въ это свѣтлое войско рыцарей духа стало его самой жгучей мечтой, а судьба М. Горькаго, характерная фигура котораго ярко, какъ путеводный маякъ, выдѣляется на темномъ фонѣ записокъ, служила ему ручательствомъ, что и человекъ низа можетъ встать на высотахъ жизни. И вотъ онъ начинаетъ писать и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стучаться въ двери писателей и критиковъ, редакторовъ и режиссеровъ. Всѣмъ и каждому онъ ставитъ вопросъ: есть ли у него талантъ? Его встрѣчаютъ одни—холодно и враждебно, другіе—какъ нищаго больного, нуждающагося въ филантропіи, третьи—одними хотя любезными, но пустыми общаніями. Передъ наивнымъ мечтателемъ стала вдругъ голая правда жизни. Миръ боговъ сразу какъ-то померкъ, сбѣлался обиденнымъ, рыцари духа превратились въ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ физиономіями „человѣчески-ми, слишкомъ человѣческими“. И, чѣмъ ярче раньше горѣла иллюзія, тѣмъ чернѣе кажется ему теперь дѣйствительность. Подъ влияніемъ этого разочарованія г. Сивачевъ не всегда справедливъ въ своихъ оцѣнкахъ. Часто онъ принимаетъ за преднамѣренное оскорбленіе то, что на самомъ дѣлѣ только результатъ нашего дѣлового уклада жизни. Порой онъ видитъ нежеланіе ему помочь, гдѣ на-лицо только невозможность его устроить. Онъ и самъ оговаривается въ предисловіи, что многое въ его запискахъ слишкомъ „односторонне“. Но, вѣдь, онъ и не создавалъ на основаніи отстоявшихся впечатлѣній жизни романъ, а фотографировалъ свою душу въ каждый отдѣльный моментъ ея „хожденія по мы-

тарствам". А самое это „хождение“ рассказано съ такой большой искренностью, съ такой нервной реакціей на вѣдѣнную дѣятельность, которая позволяет надѣяться, что, авторъ „Прокрестова ложа“, въ концѣ концовъ, осуществитъ свою мечту войти равноправнымъ членомъ въ семью писателей, тѣмъ болѣе, что, несмотря на выпавшія на его долю лишенія, невзгоды и разочарованія, онъ остался вѣренъ тому голосу, который съ раннихъ лѣтъ звалъ его къ служенію литературѣ.

В. Фриче.

Елена Грекова. Рассказы. Спб. 1911—

У большинства начинающихъ писателей есть неодолимая потребность повторять готовые образцы. Привычные эпитеты и обороты рѣчи, набившія оскомину сравненія и параболы—имѣютъ странную, несознаваемую силу почти надъ всѣми вступающими на путь авторства: ихъ первые опыты въ девяти случаяхъ изъ десяти засорены заимствованной и назойливой словесной шелухой. И, къ несчастью, существуетъ, повидимому, только одинъ способъ освободиться отъ этого ненужнаго и чужого: повторить это ненужное для того, чтобы никогда больше къ нему не возвращаться. И каждый торопится прежде всего выложить то, что и безъ него уже всѣ тысячу разъ слышали. Это своего рода литературная корь, иѣчто въ родѣ дѣтской болѣзни беллетристовъ, миновать которую удастся развѣ лишь очень немногимъ. А, можетъ быть, и никому. Но нѣкоторые переживаютъ ее дома и счастливо успѣваютъ сбросить шелуху раньше своего появленія въ печати... А другіе не только пишутъ, но и печатаютъ въ наши дни такого рода странницы, напоминающія блаженной памяти „Бѣдную Лизу“: „Вѣрю ли я въ судьбу, въ могущественный фатумъ? О, нехорошій, злой человѣкъ, какъ мнѣ не вѣрить ей, этой судьбѣ, если у меня единственная надежда на ея всесильную помощь, на то, что она снова приведетъ бѣглеца къ покинутой. Ахъ, какъ это было тяжело терять надежду, томиться отъ жажды, отъ страстной тоски, носить въ сердцѣ вѣчную, глухую, никому неслышную боль! И неужели такъ быстро и ослѣпительно настала часъ судьбы (?) О, если такъ, если я на самомъ дѣлѣ тебя увижу: „солнце, остановись“... и т. д.

Въ такихъ выраженіяхъ у г-жи Елены Грековой нѣкая прелестная молодая учительница, „Милаша“ (Людмила), мысленно адресуется къ своему возлюбленному, великолѣпному князю Верхогорскому, дополнительно награ-

ждая его классическимъ прилагательнымъ „жестокій“. Въ свою очередь, князь заочно именуетъ ее „жестокой воительницей“, а при встрѣчѣ заявляетъ ей, что она „такая же, какъ всѣ женщины, коварная, злая измѣнница“,—и добавляетъ: „Прощай! О, прощай навсегда, мечта любви“...

„Напитокъ любви“... „Невидимыя сѣти“... „Ядовитыя стрѣлы“... „Меня влекла невѣдомая сила, рокъ“... „Власть священныхъ струнъ Аполлоновой лиры“...—такъ и сыплется у персонажей г-жи Грековой. По пути читатель представляетъ въ извѣстность, что „глаза—зеркало души“... А такъ какъ душа у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ сущности превосходная, то все и кончается къ общему удовольствію: „самъ Богъ сказалъ, что нехорошо быть человѣку одному“... И потому „жестокій“ князь и „коварная измѣнница“ Милаша благополучно сочетаются законнымъ бракомъ. Вдобавокъ у бѣднаго изгнанника Русинова (того самого, который находится подъ властью „священныхъ струнъ Аполлоновой лиры“), обнаруживается блестящій литературный талантъ, и, сверхъ того, его дочь опредѣляютъ безплатно въ гимназію, а самому ему дарятъ домъ, каковыми благодѣяніями онъ обязанъ своимъ друзьямъ: князю съ княгиней и богачу Добрынину—настоящему „доброму волшебнику“, у котораго „и походка была счастливица,—быстрая, стремительная, какъ движеніе вѣтра молодого“, и взглядъ „добрый и свѣтлый“, хотя въ манерахъ нѣсколько чувствовались „вѣжливо припрятанныя когти льва“...

Въ этомъ рассказѣ, открывающемъ сборникъ и озаглавленномъ „Гдѣ цвѣтутъ азалии“,—все лубочно, ходульно и слащаво, нѣтъ ни одного живого лица, всѣ говорятъ чужими, высокопарными, ненужными и ветхими словами,—короче говоря, тутъ сразу уплачена литературной кори обильная дань. Къ счастью, эта болѣзнь не опасная, и въ слѣдующихъ рассказахъ отъ нея почти не осталось слѣдовъ. Люди—какъ люди, рѣчи—какъ рѣчи, естественныя, простые, человѣческія; развѣ лишь немножко сентиментальныя. Запасъ наблюденій не великъ, кругъ темъ ограниченъ, обработка нѣсколько наивна и прямолинейна, но наблюдательность у автора есть, особенно въ области переживаній нетронутой женской души и души ребенка. Есть типы и положенія, повторяющіяся у г-жи Е. Грековой: подростокъ, рвущійся къ образованію наперекоръ вѣвшимъ препятствіямъ; пропойца, сохранившій душу живую среди окружающей пошлости и грязи.